

Философия поэзии в творчестве архиепископа Иннокентия (Борисова)

Научный руководитель – Пишун Сергей Викторович

Медовник Софья Владимировна

Аспирант

Дальневосточный федеральный университет, Школа гуманитарных наук, Владивосток,
Россия

E-mail: medovnik.sv@dvfu.ru

Иннокентий (Иван Алексеевич Борисов, 1800–1857) являлся выдающимся деятелем XIX века, преподавателем Санкт-Петербургской духовной академии (1824–1830), ректором и профессором Киевской духовной академии (1830–1839), архиепископом Херсонским и Таврическим. Несмотря на то, что различные исследователи всё чаще обращаются к наследию этого автора, оно всё ещё изучено недостаточно. Например, практически игнорируется философский аспект его творчества, когда как Иннокентий (Борисов) внёс существенный вклад в развитие философского образования в России. В частности, в данном докладе рассматривается его философское осмысление феномена поэзии.

В качестве истоков эстетических взглядов религиозной философии Иннокентия (Борисова) следует признать мистику Бёме и философский романтизм Баадера. Исследователь В.П. Зубов отмечал: «...Отголоски шеллинго-баадеровского учения о темном *Urgrund*'е слышатся в речах Иннокентия о полночи, в его любви к ночной мистической стороне бытия» [Зубов, 2001, с. 176]. Неизвестно, оказала ли философия Шеллинга настолько существенное влияние на творчество архиепископа Иннокентия (в его основном академическом труде, лекциях по «религиозистике», имя немецкого идеалиста упоминается всего один раз), однако можно с уверенностью сказать, что его воззрения обнаруживают сближение с философским романтизмом.

В своём философском творчестве Иннокентий (Борисов) выступал против чрезмерного рационализма, несмотря на то что он признавал высокий статус ума, относя его к высшей ступени – способности человеческого духа. Тем не менее, для восприятия сверхъестественного откровения, по его мнению, необходимо войти в особое иррациональное состояние, что возможно, в том числе, благодаря возможностям поэзии, её образности.

Поэзия понимается у Иннокентия (Борисова) в качестве иносказательного средства выражения реальности. Приведём пример из его текста, где слово «поэзия» употребляется в подобном смысле. Приводя описание сотворения мира, он упоминает образ Духа, который, согласно переводу, «гнездится» над бездной. Он рассуждает, является ли это поэтической метафорой или реальностью: «В описании Моисея заключается ли чистая историческая истина, или же есть в нем и примесь поэзии?» [Борисов, 1908, с. 731]. В данном случае поэзия противопоставляется истории; чётко разграничиваются изложение фактов действительности и художественные образы. Но в то же время реальность может быть выражена через образы, антропоморфизмы, и т. д., чтобы передать то, что невозможно изложить рационально.

Отметим, что Иннокентий (Борисов) тяготел к необычным представлениям о реальности, которые рационально настроенный человек определил бы как вымышленные образы, но которые сам Иннокентий признавал действительными. Примеры таких мыслей и идей: стремление каждого живого организма к солнцу – это реальное молитвенное поклонение тварных существ Высшему Существо: «Это не поэзия; нет, это невольное влечение тварей к Виновнику их жизни, ответ всемогущему Слову, держащему и оживляющему все своею

силою» [там же, с. 10]; совесть есть «огонь действительный», поскольку в ней соединяется подлинное тепло чувства и подлинный свет ума [там же, с. 181]. Подчеркнём, данные высказывания не являются, с точки зрения Иннокентия (Борисова), поэзией, а фактами реальной действительности.

В это же время поэтический образ является у Иннокентия (Борисова) способом получения сверхъестественного опыта. Данная мысль находит своё подтверждение в архивной рукописи «Обозрение книги Иова». В этом труде автор обосновывает явление Священной Поэзии. Поскольку «Слава Вседержителя неместима в тесных пределах понятия человеческого» [Борисов, б. д., л. 11], на место понятия приходит поэтический образ, который позволяет человеку прикоснуться к недостижимой истине. Человек, настроенный на восприятие поэзии, входит на «святую землю», т. е. в особое состояние высшего чувства, вдохновения и огня: «Только душа, настроенная под тоны высшей симфонии, способна отзываться на бряцание небесной арфы; только сердце, сроднившееся с чувством божественного, может играть от выпрених порывов священных Песнопевцев» [там же, л. 7–8]. Таким образом, Иннокентий (Борисов) оптимистично смотрит на возможность познания сверхъестественных истин путём обращения к Поэзии.

Кроме того, Иннокентий возражает тем, кто судит об истинной Поэзии по проявлениям низшей поэзии, которая использует образы для выражения идей, противоречащих нравственным принципам. Православный философ отмечает, что такая искажённая форма поэзии не вредит Поэзии в её высшем смысле: «Ужели поэтому, что на языке поэзии воспеваются иногда низкие и порочные страсти человеческие. . . должно гнущаться самым именем, Священным именем поэзии? Как будто сама святая и непорочная дочь Неба может скверниться от соприкосновения с грешными и нечестивыми сынами земли!» [там же, л. 3].

Таким образом, эстетические воззрения Иннокентия (Борисова) соединяются с его взглядами на возможность познания. Рациональные способы описания действительности весьма ограничены, а Поэзия в её высшем смысле выступает в качестве «проводника» к сверхъестественному опыту.

Творчество Иннокентия (Борисова) всё ещё нуждается в изучении, а его религиозно-философская концепция – в реконструкции, что будет отражено в последующих исследованиях.

Источники и литература

- 1) Зубов, В. П. Русские проповедники: очерки по истории русской проповеди. М: Эдиториал УРСС, 2011.
- 2) Иннокентий (Борисов). Обозрение книги Иова. Лекции. Б. д. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 313. № 2.
- 3) Иннокентий (Борисов). Сочинения Иннокентия архиепископа Херсонского и Таврического. В 6 т. СПб, 1908. Т. 6.